
И. И. Панаев

Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики *Отрывок*

«**М**осквитянин», как было уже не раз говорено в наших журналах, находится под влиянием двух редакций: *старой* и *молодой* — и потому, вероятно, он не имеет того единства, той цельности, того определенного колорита, которые невольно отыскивает читатель в каждом периодическом издании. В «Москвитянине» иногда старая редакция явно преобладает над молодой, иногда молодая берет верх над старою — и все это совершается как будто бы случайно, без всякой борьбы: явится несколько книжек, похожих более на сборник, чем на журнал, и после этих книжек с историческими материалами (более или менее интересными и довольно, впрочем, редкими в последнее время), с историческим афоризмами, с различными краткими, отрывистыми и всегда очень оригинальными отметками и заметками старой редакции, напоминающими прежний «Москвитянин», — вдруг выйдут несколько номеров, имеющих более журнальный характер, с критическими статьями, в которых молодая редакция желает высказывать свои теории и взгляды на искусство... Но, к сожалению любопытствующих поближе познакомиться с этими взглядами и теориями, критические статьи молодой редакции обыкновенно прерываются или на половине, или при самом начале — и так и остаются неоконченными. Задуманные всегда (судя по началам) широко, глубоко и добросовестно, они имеют вид тех огромных и хитро задуманных зданий, которые так же прихотливо начаты, как и брошены и, с бесчисленными полустгнившими и почерневшими лесами, представляют печальный вид бесполезно пропавшего труда и бесполезно погибших материалов... Смотря на эти громадные леса, на эти груды кирпичей, думаешь: «а, может быть, ведь из этого что-нибудь и вышло бы!» И в то же время досадуешь, что полустгнившие леса и обвалившиеся кирпичи — ничего не доказавшие, занимают без толку пространство, из которого можно бы было извлечь какую-нибудь пользу, которое не пропадало бы даром. Что нам за дело до того, если обломки недоконченного здания намекают на талант, вкус и добросовестность архитектора? Что нам за дело до того, что он что-то хотел сказать этим зданием? Мысль в зачатии, как бы она ни казалась широка и глубока, ровно ничего не значит в сравнении с самой обыкновенной, повседневной мыслью, развитой и окончательно высказанной... Но если архитектор недоконченного здания, не успевший еще — при всем своем усилии — ясно, определенно и окончательно высказать своей мысли, взявшийся за какой-нибудь колоссальный труд и даже еще не окончивший фундамент для своего труда, — будет отзываться с презрительной гордостью об окончанных трудах своих предшественников, которые добывали мысль в поте и крови и высказывали ее с увлечением, с добросовестною горячностью, впадая иногда в неизбежные для всякого человека ошибки и промахи, — тогда можно и даже должно остановить такого заносчивого

архитектора и спросить его... «Ты так строг к своим предшественникам, к людям, подготовлявшим, может быть, тебя самого, — что же сделал ты сам, сказал ли ты хоть что-нибудь новое после них?.. Во имя же чего твоя надменность, твое презрение к тем благородным труженикам мысли, которые, несмотря на свои ошибки и заблуждения, сделали хоть что-нибудь? Труды их перед нашими глазами... Они высказали ими все, что могли и умели высказать, а ты, все усиливающийся что-то сказать и в течение нескольких лет остающийся при этом усилии, — имеешь ли ты право бросать камень в твоего собрата, в твоего ближнего, уже совершившего свое дело и окончившего свое поприще?»

С такою же речью можем мы обратиться и к критику молодой редакции «Москвитянина» г-ну Григорьеву, который так гордо и презрительно относится о критике 1838–1846 годов и никогда не упускает случая уязвлять ее при всяком удобном случае... Положим, что эта критика (имевшая, нельзя не заметить, влияние довольно сильное) заблуждалась, впадала в промахи (какая же критика не впадает в промахи?), — но она прошла не бесполезно, она сделала что-нибудь, она высказала свою мысль, как могла... труды ее еще не совсем забыты... Что же после этой критики сказала нового заносчивая критика молодой редакции «Москвитянина»?.. В чем и где ее *новое слово*? В г-не Островском!.. Кроме этого *нового слова*, критика молодой редакции не сказала ни одного нового слова после критики 1836–1846 годов, которую она называет *одряхлевшею*.

Прекрасно!.. Положим, что это важное открытие, что г. Островский действительно явился к нам с новым словом, что от него начнется новая эпоха литературы, но все это требует, однако, некоторых доказательств... Положим, что мы не понимаем искусства так глубоко, как следует понимать его, что наши взгляды на искусство легки, что мы не в состоянии оценить вполне значения такого писателя, как г. Островский, но в таком случае помогите же нашему невежеству, просветите нас, объясните нам, что это за новое слово, произнесенное г. Островским, поставьте нас на ту точку зрения, с которой мы могли бы ясно увидеть это новое слово, докажите нам, что действительно с г. Островского начинается новая эпоха литературы...

Сознавая, что молодая редакция «Москвитянина» добросовестно убеждена во всем этом, мы с большим любопытством приступили к чтению статьи: «*О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене*» (№ 3 «Москвитянина» 1855), — надеясь найти наконец в этой статье разъяснение тех убеждений, которые высказывались до сих пор молодою редакциею почти бездоказательно. Начало статьи обещало многое... После вступления, о котором мы будем сейчас говорить, следует «*Обозрение деятельности Островского и отношений к ней критики*», затем — «*Обозрение отношений литературы нашей к народности*»... а затем... продолжение статьи — столь любопытной, с такими приступами и приготовлениями, — не последовало...

Но поговорим о том, что есть, — и познакомим наших читателей хоть с началом статьи г. А. Григорьева, долженствовавшей объяснить нам, не посвященным, какое глубокое и великое значение имеет в русской литературе г. Островский.

Статья открывается нападками на критику, предшествовавшую критике молодой редакции.

Тому назад каких-нибудь десять с небольшим лет, — говорит «молодая редакция», — наша критика, в каком-то упоении, возглашала на каждом шагу: «Шекспир, Гете, Пушкин» — «Гомер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов» — «Гомер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Гоголь» — «Шекспир, Байрон, Лермонтов, Гоголь — г. Д. или. г. Н.» и т. д. Возводить в *мировые гении* сегодня — и *завтра присоединять к числу таковых еще нового*, часто жертвуя прежними, не стоило ей большого труда. Замечательно, что, создавая гениев за гениями, она *все чаще стала забывать имя Пушкина*, и когда кругозор поистине многотупного Гоголя расширился, помимо желания и ведома господ, державших в руках своих кормило критики, — она, сперва сквозь зубы, а потом и во всеуслышание, *начала подготавливать*

его развенчание, относясь с иронией к задачам, которые полагал себе поэт в лирических местах своих «Мертвых душ» и заботы о выполнении которых он так искренно, прямо и ясно высказал в предисловии ко второму изданию первой части своей поэмы, — мало того, критика не устыдилась объявить, что г-ну Д. или г-ну N. суждено играть в литературе нашей роль, может быть, выше роли Гоголя, и т. п. Любопытное и странное явление — тем более любопытное и странное, что оно повторяется не раз в истории нашей критики. Зримые произведения Пушкина не нравились самым жарким поклонникам его прежних, сравнительно легких, произведений, — «Борис Годунов» не соответствовал тому идеалу исторической драмы, который составила себе критика телеграфская, «Анжело» казался критике телескопской написанным тяжелыми виршами, — и критика восклицала: «Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или может быть обмер на время!» — Наконец, самые посмертные его произведения встречены были с какою-то непростительной холодностью, и новые кумирчики, наделанные критикою, стали заслонять от глаз молодежи его лаврами увенчанный лик. Та же история повторилась и с Гоголем, как только взгляд его на жизнь вообще и на нашу русскую жизнь в особенности возвысился на такую степень, на которую не могла взойти с ним критика.

Остановимся на этих словах. Под критикой десяти прошедших лет с небольшим автор статьи понимает критику «Телеграфа», «Библиотеки для чтения», «Отечественных записок», «Современника», «Пантеона» (?) — «сходную, как он замечает, более или менее в основных положениях». Это что-то не совсем так. «Телеграф» прекратил свое существование более двадцати лет назад тому, «Современник» в преобразованном виде издается восьмой год, но, как бы то ни было, никак нельзя сказать, чтобы критика «Отечественных записок» и «Современника» (о «Телеграфе» и говорить нечего, — это время давно минувшее) была сходна в основных положениях с критикою «Библиотеки для чтения»... Всем известно, с какой точки зрения «Библиотека для чтения» смотрела на русскую литературу, возводя по своей прихоти в гении г. Кукольника, Тимофеева и других и подшучивая над Гоголем и другими представителями русской литературы... Какое же сходство в основных положениях этой так называемой критики «Библиотеки для чтения» с серьезными критическими статьями, которые печатались некогда в «Отечественных записках» — о Пушкине, Гоголе, Лермонтове и проч., с статьями, в которых всегда обнаруживалась горячая, истинная любовь и уважение к искусству? Г. Григорьев не может смешивать критику «Отечественных записок» с критикою «Библиотеки для чтения»; мы знаем, о какой критике говорит он, да и он сам объясняет это далее в своей статье, определяя, именно на каких годов критику намекает он (1838–1846 г.). Это-то нам и необходимо было знать положительно. Эту критику, то есть критику от 1838 до 1846 года, обвиняет он: 1) в том, что она возводила мировых гениев без всякого труда, создавала своих кумирчиков, заслоняя Пушкина; 2) не оценила последних лучших произведений Пушкина; 3) развенчала Гоголя, когда кругозор его расширился, и не устыдилась (?) объявить, что г-ну Д. или N. суждено играть в литературе нашей роль, может быть, выше Гоголя...

Первое обвинение может относиться разве только к шуткам редакции «Библиотеки для чтения», которая воображала заслонить Пушкина гг. Кукольников, Тимофеевым и другими. Но стоят ли эти шутки того, чтобы упоминать об них?.. Автор статьи говорит не о шутках и балагурстве, а о критике... Но откуда он взял, что серьезная критика не оценила (будто бы) последних произведений Пушкина, — это решить трудно. Напротив, критика того времени очень ясно говорила, что Пушкин в своих последних посмертных и, к сожалению, неоконченных произведениях — в «Галубе», в «Русалке», в «Египетских ночах» и проч., достиг высшей степени художественности, и если критика отозвалась неблагоприятно об «Анжело», то она имела на это некоторое право, ибо действительно переделка «Анжело» из Шекспира не удалась Пушкину. Гоголя критика не развенчивала, а по поводу изданной им «Переписки» высказала ему только много горьких истин... Может быть, эти истины следовало бы выражать не так желчно, сохраняя более спокойствия и критического

достоинства, — это вопрос другой... Но что значит замечание г. Григорьева, что критика именно развенчала Гоголя в ту минуту, когда *кругозор его расширялся?*.. Неужели, по мнению г. Григорьева, издание «*Переписки*» было доказательством расширения кругозора Гоголя?.. Г. Григорьев был бы совершенно прав, обвиняя критику в том, что она сделала непростительный промах, объявив, будто бы г. Д. или г. Н. суждено играть в литературе нашей роль, может быть, выше Гоголя, но он не прав, как бы заподозревая ее в умышленном желании унижить Гоголя на счет г. Д. или г. Н. Дело было гораздо проще... Критика *добросовестно* увлеклась первым произведением г. Д. и первое свое впечатление сгоряча передала публике, но эта критика тотчас же увидела свой промах — и торжественно созналась в нем.

В этом поступке, мы полагаем, нет ничего постыдного. — Немногие способны признавать явно свои ошибки и торжественно объявлять о своих промахах. — Такой благородной откровенности и сознания мы желаем и современной критике... Кто из критиков не вводил в заблуждение публику? Кто из них не ошибался? Кто не делал промахов? Кто не создавал своих кумиров?.. Постыдно только то, если критик, внутренне сознавая свои ошибки и промахи, упорно продолжает стоять за них и оставляет публику в заблуждении, в которое он сначала ввел ее невольно. Добросовестное заблуждение не есть преступление, и в добросовестном заблуждении нет ничего постыдного. Г. Григорьев продолжает:

Смелость критики в увенчании и развенчании литературных деятелей, дойдя, наконец, до нелепости, должна была замениться другою крайностью. Разочарование перешло в известного рода осторожность, не в ту, впрочем, которая не доскажет иногда слова, боясь погрешить перед общим смыслом, — но в ту, которая, из страха впасть в смешное, *готова скорее отрицать, чем полагать что-либо, скорее унижать, чем возвышать*, — в *осторожность нравственной дряхлости, на все смотрящей с улыбкою недоверия*, в осторожность, которая не *верит только потому, что вторила некогда всему*. В таком состоянии одряхления находится в наше время критика, которая некогда так смело разрывала всякие связи с историческим преданием...

Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду — и, становясь на место *одряхлевшей* критики, мы можем понять, что ей теперь, с своими *идейками* и с своими *кумирчиками*, мудрено *признать что-нибудь новое, живое в литературе*, — что она, некогда столь расточительно раздававшая патенты на гениальность, засмеет теперь первую всякого, кто первый назовет и *действительно гениальное гениальным*...

Осторожность показывает только некоторое знание жизни и опытность и, вследствие этого, подчинение до известной степени всяких пафосов и восторгов времени и критическому анализу. Если это есть признак одряхления, то мы готовы причислить себя к людям одряхлевшим. Так, например, если появится в литературе талант, начинающий блистательно — произведением, выходящим из обыкновенного уровня литературных явлений, мы радостно встречаем и приветствуем его, потому что нам дорого все, что служит к чести и украшению русского слова; мы даже невольно увлечемся, может быть, в пользу его в первые минуты и несколько преувеличим его значение — но если этот талант последующими своими произведениями не оправдает вполне тех увлечений, которые возбудило его первое произведение, — мы уже не в состоянии по заранее составленной теории восхищаться безусловно всем, что бы ни выходило из-под пера его... Мы невольно в таком случае делаемся осторожными и даем время высказаться автору, чтобы произнести над ним решительный суд... Мы не желаем создавать себе ни литературных кумиров, ни кумирчиков. — Литературные кумиры и кумирчики царят только в литературных кружках. — Вне этих кружков они из кумиров превращаются в обыкновенных смертных, с большим или меньшим талантом... Если мы видим только замечательный и, может быть, несколько односторонний талант — в том, в чем другие видят гениальность, новое слово — и проч., то это, может быть, доказывает только, что мы не принадлежим

ни к каким литературным кружкам — и высказываем наше суждение о литературных явлениях по крайнему нашему разумению, не имея особенных причин ни унижать, ни через меру возвышать эти явления... Время покажет, кто из нас прав: мы ли, одряхлевшие литературные судьи, или новые критики, вероятно, полные жизни и сил, — как противоположность одряхлевшим.

Сам г. Григорьев говорит, что «только *время* есть настоящий оценщик гениальных произведений».

Стыдно, продолжает он, *тому, кто*, чувствуя сердцем и понимая исторически известную правду, побоится сказать ее потому только, что она некоторым покажется смешна и неприлична, — стыдно и тому, кто, высказавши правду, хотя бы даже и не вовремя, и не вполне — намеком только, — отступится от нее, слышавши смех за собою, — стыдно потому, что в первом нет вовсе веры в правду, а во втором слишком мало веры в нее и слишком много самолюбия.

Это совершенно справедливо — и мы к этому можем еще только прибавить от себя несколько слов. Стыдно тому, кто отрицает всякое достоинство в трудах своих предшественников, подготавливавших ему путь, кто не умеет или не желает войти в их положение в данную минуту, чтобы оценить их по справедливости, откинуть, как шелуху, их невольные заблуждения, промахи и ошибки и открыть те благородные стремления, которыми они были движимы, их порывания к истине, которую они искали, переходя через муки сомнений и заблуждений, — словом, отыскать истинную и полезную сторону их трудов, — зерно, которое скрывалось под шелухой...

Прежде чем строго требовать добросовестности от других, будем стараться сами быть добросовестными и, приступая к суду человека, постараемся сбросить все наши личные предубеждения и предрассудки в отношении этого человека, — да не будет суд наш осуждением...

Г. Григорьев весьма справедливо полагает, что с точки зрения исторической критики всякий вопрос должен быть исследован *ab ovo*, схвачен с минуты его зачатия... (Судим ли мы друзей или врагов наших — все равно, прибавим мы от себя)...

Но, — прибавляет г. Григорьев, — конечно, не так, как дельвалось это в статьях наших журналов от 1838 до 1846 года, когда всю старую литературу подымали, говоря о каком-нибудь писателе, и вследствие этого *впадали в беспрестанные и неминуемые повторения*...

Как будто мы-то не повторяемся в наших статьях!

Приступая к изложению значения г. Островского в русской литературе и, вероятно, к объяснению этого таинственного *нового слова*, сам г. Григорьев, осуждающий в повторениях своих предшественников, — предуведомляет, что он должен будет весьма часто ссылаться на свои прежние статьи, иногда просто *повторяя* высказанные в них мысли... Г. Григорьев рассматривает, прежде всего, отношения критики к г. Островскому, или к новому слову. Критике, разумеется, страшно при этом достается... Она, по мнению г. Григорьева, *не в состоянии была* понять нового явления; новое слово ускользнуло от ее определения, теперь она *его и видит — да зуб неймет*, как говорится; она стала в *очевидно комическое положение* к новому явлению; г. Островский *рассердил* критику отсутствием желчи, резкости в определениях линий, *наивностью манеры в грациозных сценках*; критике *досадно*, что *грубость требований окружающего быта (?) не будит в ней протеста*; смелая новость последней драмы г. Островского нанесла *чувствительное оскорбление одряхлевшей критике*; критика называется жалкою, бедною, и проч. и в заключение упоминается, что она сама не знает, чего хочет относительно нового писателя...

Едва ли есть что-нибудь справедливое в этом резком очерке отношений критики к г. Островскому... Действительно, до сих пор еще основательно и серьезно не была рассмотрена литературная деятельность г. Островского ни в одном журнале,

несмотря на то, что об авторе «Свои люди — сочтемся!» написано более, чем о ком-нибудь из наших писателей, за исключением Гоголя. Но во всем, что писалось о г-не Островском, во всех критических заметках о нем, более или менее справедливых, — критика не обнаруживала ни гнева, ни досады и вовсе не ставила себя в комическое положение относительно рассматриваемого ею автора. Мы не помним всех критических журнальных заметок о г. Островском и рассуждений о действующих лицах его комедий, но мы, кажется, не ошибемся, если скажем, что вообще критика единогласно признала замечательный и самобытный талант г. Островского, выразившийся всего более в его первой комедии «Свои люди — сочтемся!» и выразившийся, по ее убеждениям, хотя уже не так художественно и полно, в последующих произведениях автора: в его «Бедной невесте», в «Не свои сани не садись», в «Бедность не порок» и даже отчасти в драме «Не так живи, как хочется». Критика (ошибалась она или нет — решит время), отдавая полную справедливость г. Островскому за оживление нашей сцены, говорила, что его последние произведения слабее первых относительно и формы, и содержания, что они не имеют того громадного значения, которое придают им некоторые — полагающие, что эти произведения обнимают всю русскую жизнь, всего русского человека, и смиренно замечала при этом, что мелкий купеческий класс, так верно и мастерски изображаемый г. Островским, еще далеко не обнимает всю русскую жизнь и не может служить полным выражением богатой и разнообразной натуры русского человека. Вот что говорила критика о прекрасных произведениях г. Островского. Откуда же берут, что она поставила себя в комическое положение относительно этого автора?..

И г. Григорьев, без церемонии говоря, видящий в г. Островском создателя народного театра, замечает, что «Бедность не порок» — не самая оконченная из его драм и что последняя его драма «Не так живи, как хочется» — еще более небрежна по формам или, лучше сказать, совсем пренебрегает формами, что, вероятно, много вредит ей в художественном отношении. Следовательно, и г. Григорьев согласен отчасти с одряхлевшею критикою в том, что последние произведения г. Островского слабее первых!

Нам кажется, напротив, что критика, через меру восторгающаяся произведениями г. Островского и в жару пафоса объявляющая о том, что в лице этого писателя *грядет к нам новое слово*, поставила себя в гораздо более комичное положение относительно г. Островского...

Выйти из этого комического положения она может только тогда, когда докажет нам ясно и положительно, что такое понимает она под *новым словом*. Восторженная критика чувствует сама необходимость этого — и приступает к разъяснению своих убеждений. Она говорит:

Новы в таланте Островского, как во всяком самобытном таланте, — содержание и форма. Под содержанием разумею я: 1) общее отношение поэта к жизни, его мирозерцание; 2) типы, им создаваемые, и манеру их изображения. Под формою: 1) самобытность постройки произведений и 2) особенность языка. По этим категориям и следовало бы рассмотреть вопрос о таланте Островского безотносительно: но, чтобы нагляднее и яснее представить дело, должно употребить несколько окольный путь, начать *ab ovo*. *Новое слово Островского есть самое старое слово — народность*: новое отношение его есть только прямое, чистое, непосредственное отношение к жизни, — и поэтому должно: 1) в кратком очерке представить различные отношения литературы нашей к народности и 2) в таковом же схватить предшествовавшее отношение литературы к жизни вообще. Тогда дело обстоит само собою, и отделивши, отграничивши его, поставивши на особое, ему принадлежащее, место, можно будет определить его безотносительное значение...

Наконец, намек на то, что разумеется под новым словом, сделан. *Новое слово* в сущности *есть старое слово*. Тезисы поставлены, приступ сделан, остается только развить эти тезисы, смело идти на приступ и умереть или доказать, что одряхлевшая

критика действительно не в состоянии понять такого явления, как г. Островский, что его произведения далеко оставили за собою всю предшествовавшую литературу, и прочее...

Ждем этих доказательств, результата этого приступа. Мы терпеливы и любознательны...

В других критических заметках молодая редакция «Москвитянина» относится, по ее выражению, с безусловною похвалою к поэме г. Мея «Цветы», написанной действительно звучными и прекрасными стихами и напечатанной в «Библиотеке для чтения»; очень подробно разбирает «Свистулькина» г. Григоровича, замечает, по обыкновению, наперекор петербургским журналам, что г. Григорович в крестьянском быту (в «Антоне Горемыке», в «Бобыле», в «Рыбаках») заезжий гость, что его хозяйское дело — анализ пошлости, суетности и проч.; что г. Григорович, вместе с гг. Панаевым и Соллогубом, принадлежат к *естествоиспытательной школе*, что они имеют дело с анализом болезни нравственного лакейства и прочее. Это выражено недурно... но как бы то ни было, нам приятно заметить здесь, кстати, что если с критикой молодой редакции «Москвитянина», выражающейся всегда несколько хитро, заносчиво и кудреват, и не соглашаешься очень во многом, но всегда видишь в ней стремление к истине, любовь и уважение к искусству и что хотя в этой критике и проскакивают иногда небольшие предубеждения к лицам ей подсудимым, но вообще для нее искусство выше всех личных воззрений и отношений...

Впервые: С. 1855. № 7. Отд. V. С. 105–118. Публикуемый фрагмент — с. 105–114. Цензурное решение — 30.06.1855. Цензор В. Н. Бекетов.

Публикуемый фрагмент фельетона И. И. Панаева подводит итог многолетней полемики между «Современником» и «Москвитянином», однако, по сути, критик не добавляет здесь ничего нового к уже сказанному в более ранних заметках (см. в наст. изд. фельетоны 1851–1852 гг.). Претензии к Григорьеву остаются прежними: необязательность и безответственность критиков «Москвитянина» в ведении журнала; неясность и неорганизованность мысли и текстов; неуважение к своим предшественникам и коллегам; кружковщина и корпоративность в оценке писателей и создание преувеличенного культа Островского. Панаев одновременно отзывается о Григорьеве и более уважительно, обращая внимание на неизменный интерес критики «Москвитянина» к серьезным вопросам искусства, и более критически, в резкой форме отвечая на упреки Григорьева в адрес Белинского, защищать которого прямо было невозможно в силу цензурных ограничений.

Григорьев отвечал Панаеву в статье «Замечания об отношении современной критики к искусству», назвав фельетон Нового Поэта «неопределенным и смутным», «непрямым», не схватывающим сути «дела» (наст. изд., с. 490) и по пунктам отразив все упреки обозревателя «Современника» (см. статью и коммент. в наст. изд., с. 802–808).

С. 481. *«Москвитянин» ~ находится под влиянием двух редакций...* — Панаев повторяет мнение «Современника» 1851 г., когда «молодая редакция» впервые заявила о себе как о самостоятельной силе рядом со «старой» редакцией погодинского журнала (см. наст. изд., с. 150). В 1855 г. «молодая редакция» фактически прекратила свое существование.

С. 481. *...несколько книжек ~ с историческими материалами...* — В 1855 г. книжки «Москвитянина» выходили с большим опозданием и утратили былую цельность: из критики в нем печатались лишь статьи Григорьева (см. их в наст. изд.), а библиография и наполнение книжек перешло в руки П. П. Сумарокова.

С. 481. *...вдруг выйдет несколько номеров ~ свои теории и взгляды на искусство...* — Панаев имеет в виду прежде всего временное прекращение сотрудничества «молодой редакции» в «Москвитяние» — с № 18 1853 г. по № 3 1854 г., когда Погодину пришлось компенсировать отсутствие журнальных обзоров и статей другими материалами и обзорами других второстепенных сотрудников (см. Зубков. С. 155–158).

С. 481. ...критические статьи молодой редакции ~ остаются неоконченными. — В первую очередь речь идет о статье Григорьева «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (М. 1855. № 3), продолжение которой было обещано, но не появилось из-за цензурного вмешательства. Григорьев не продолжил и ряд других начатых статей (см. наст. изд., с. 808–809).

С. 482. ...гордо и презрительно относится к критике 1838 — 1846 годов... — В первую очередь имеется в виду критическая деятельность Белинского, который, согласно Григорьеву, после 1838 г. отходит от шеллингианства. О полемике Григорьева с поздним Белинским см. наст. изд., с. 821–822.

С. 482. В чем и где ее новое слово? В г-не Островском!... — Панаев в очередной раз повторяет тезис Григорьева 1852 г. о появлении «нового слова» — творчества Островского (см. наст. изд., с. 209).

С. 482. ...после критики 1836–1846 годов, которую она называет одряхлевшей... — Рефреном статьи Григорьева «О комедиях Островского...» были упреки «одряхлевшей критике», не сумевшей понять Островского (см. наст. изд., с. 468, 473).

С. 482. ...статьи: «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене»... — Здесь и далее Панаев цитирует статью Григорьева, публикуемую в наст. изд. Выделенные курсивом выражения в тексте Панаева — цитаты или близкий к тексту пересказ статьи Григорьева.

С. 482. ...а затем... продолжение статьи — столь любопытной, с такими приступами и приготовлениями — не последовало... — Статья вторая не была пропущена цензурой и опубликована лишь в 1922 г. (см. наст. изд., Приложение I).

С. 483. «Телеграф» прекратил свое существование ~ издается восьмой год... — Журнал Полевого «Московский телеграф» был закрыт в 1834 г., а «Современник» Некрасова и Панаева издавался под их редакцией с 1847 г.

С. 483. Всем известно, с какой точки зрения ~ подшучивая над Гоголем... — Речь идет о провокативных статьях и фельетонах редактора «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского, в которых драматург Н. В. Кукольник на равных сопоставлялся с Гете, Пушкин — с поэтом А. В. Тимофеевым, а Гоголь — с французским беллетристом Полем де Коком. Теми же особенностями критики «Библиотеки для чтения» возмущался и сам Григорьев (см. наст. изд., с. 467).

С. 483. ...с серьезными критическими статьями, которые печатались некогда в «Отечественных записках»... — Речь о статьях Белинского 1840-х гг.

С. 483. ...критика того времени очень ясно говорила ~ достиг высшей степени художественности... — Смещая акцент с прижизненной критики Пушкина на посмертную, Панаев пытается оправдать холодность критиков 1835–1837 гг., в том числе Белинского, к Пушкину тем, что начиная с 1838 г. и на протяжении всех 1840-х гг. происходит «реабилитация» поздних текстов Пушкина (например, в цикле статей Белинского «Сочинения Александра Пушкина») и признание их классическими для русской культуры.

С. 483. ...критика отзывалась неблагоприятно об «Ан д же л о»... — См. об этих отзывах наст. изд., с. 793.

С. 483. Гоголя критика не развенчивала ~ много горьких истин... — Говоря о полемике Гоголя и Белинского в 1845–1848 гг., связанной с выходом «Выбранных мест из переписки с друзьями», Панаев оправдывает Белинского, который тем не менее в рецензии на книгу Гоголя (1847) объявил о том, что Гоголь отрывается от своей ведущей роли в литературе, а во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» (1848) утверждал, что у русской литературы больше нет главы, намекая, очевидно, на «отречение» Гоголя (см.: Белинский. Т. 8. С. 370). Кроме того, литераторам было прекрасно известно, что в зальцбруннском письме критик крайне резко оценил эволюцию Гоголя.

С. 484. ...г. Д. или г. Н. суждено играть в литературе нашей роль, может быть, выше Гоголя... — Отсылка к статье Григорьева «О комедиях Островского...» (см. наст. изд., с. 467). Панаев явно воспринимает имя «Д.» как сокращение фамилии Ф. М. Достоевского.

С. 484. ...но эта критика тотчас же увидела свой промах — и торжественно созналась в нем. — Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» Белинский, под нажимом редактора журнала Некрасова, отказался от прежних высоких оценок творчества Достоевского как «необыкновенного гения» и заменил характеристики на «оригинальный талант» (Белинский. Т. 8. С. 212). Этот же эпизод упомянут в статье Григорьева «Русская литература в 1851 году» (наст. изд., с. 185).

С. 484. Литературные кумиры и кумирчики царят только в литературных кружках. — Намек на культ А. Островского в кружке «молодой редакции» «Москвитянина».

С. 485. ...с точки зрения исторической критики, всякий вопрос должен быть исследован ab ovo... — О понятии «историческая критика» см. коммент. в наст. изд., с. 649.

С. 485. ...часто ссылаться на свои прежние статьи, иногда просто по в т о р я я высказанные в них мысли... — Речь идет о характерной манере Григорьева варьировать или перепечатывать без изменения фрагменты из своих более ранних статей под новым заголовком. В статье «О комедиях Островского...» Григорьев ссылается на собственные статьи «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году» (см. наст. изд., с. 788–791).

С. 486. ...критика не обнаруживала ни гнева, ни досады ~ относительно рассматриваемого ею автора. — Панаев, очевидно, не трактует отзывы Чернышевского как «комическое» выражение «гнева» и «досады», в отличие от Григорьева.

С. 486. ...говорила, что его последние произведения ~ которое придают им некоторые... — Панаев отсылает к мнениям многих критиков «Современника» и «Отечественных записок», включая собственные (см. наст. изд, с. 352).

С. 487. Мы терпеливы и любознательны... — Возможно, обыгрывается знаменитое выражение Пушкина из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1836): «Мы ленивы и нелюбопытны...».

С. 487. ...с безусловною похвалою к поэме г. Мея «Цветы»... — В обзоре «Библиотеки для чтения» Григорьев назвал поэму Л. А. Мея «Цветы» (БдЧ. 1855. № 1) «вместе с Островским и “Винювата ли она?”» Писемского «единственными серьезными явлениями в литературе» (М. 1855. № 3. С. 132).

С. 487. ...подробно разбирает «Свистулькина» г. Григоровича... — Панаев цитирует обзорную статью Григорьева о «Библиотеке для чтения», где рассказ Григоровича «Свистулькин» (БдЧ. 1855. № 1) характеризуется как одно из самых удачных произведений писателя (см.: М. 1855. № 4. С. 107–128).